

Международные отношения

УДК: 327

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-70-77

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ?

Г. В. Коцур

Коцур Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Аннотация

В последние несколько лет в политике ЕС наблюдается так называемый геополитический поворот, который был открыто артикулирован высшими чиновниками Союза и нашел отражение в его ключевых документах. На концептуальном уровне это выразилось во введении в официальный дискурс Брюсселя двух понятий – стратегического суверенитета и стратегической автономии. Подобный курс вызвал недоумение и критику на множестве уровней: ранее ЕС неуклонно отрицал геополитическое мышление, суверенитет и баланс сил, более того, идентичность интеграционного проекта строилась на прямом противопоставлении им. Цель статьи – показать отсутствие противоречия между этими двумя полюсами. На эмпирическом материале официального дискурса ЕС автор через призму критической геополитики доказывает, что ценностный универсализм Брюсселя всегда выражался через определенное видение политической географии, а именно через построение пространственно-временной символической карты мира. Возможно выделить три ее элемента. Во-первых, метафора пути или дороги, которая структурирует действительность удобным для ЕС образом, располагая феномены и события друг за другом. Во-вторых, важна роль образца, превращающего данную дорогу в идеологический вектор. В подобном амплуа в официальном дискурсе Брюсселя выступает сам ЕС как объединение либеральных демократий западного типа. В-третьих, вдоль этой шкалы Евросоюз располагает разные страны и целые регионы в зависимости от степени соответствия идеологическому образцу. Геополитические концепции стратегического суверенитета и автономии не противоречат подобному паттерну, но лишь продолжают его на новом этапе.

Ключевые слова: Европейский союз; критическая геополитика; стратегический суверенитет; стратегическая автономия; стрессоустойчивость; ориентализм; историцизм; дискурс.

27 ноября 2019 г. Урсула фон дер Ляйен выступила перед Европарламентом со своей первой речью на новом посту и заявила о «срочной потребности в геополитической комиссии»¹. На концептуальном уровне это выразилось в двух понятиях – стратегическом суверенитете и стратегической автономии ЕС. Первое означало способность «действовать автономно, а также выбирать, когда, в каких областях и делать ли это с партнерами-единомышленниками»², а второе – «способность свободно решать и действовать во взаимозависимом мире»³.

Голос фон дер Ляйен прозвучал отнюдь не в одиночестве. Несмотря на сугубо французский генезис обоих понятий, еще Глобальная Стратегия ЕС в 2016 г. содержала «стремление к стратегиче-

© Коцур Г. В., 2023

¹ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022).

² On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. P. 3. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

³ Franke, U. and Varma, T. (2019) Independence play: Europe's pursuit of strategic autonomy. *European Council on Foreign Relations* [Online]. Available at: https://ecfr.eu/special/independence_play_europes_pursuit_of_strategic_autonomy/ (Accessed: 17 July 2022).

ской автономии Европейского союза»¹. Ежегодное обращение Ж. К. Юнкера в 2018 г. называлось «Час суверенитета Европы»². После слов фон дер Ляйен о геополитической комиссии президент Европейского совета Ш. Мишель назвал стратегическую автономию Европы «целью нашего поколения»³. Исследовательская служба Европарламента в 2020 г. опубликовала документ «На пути к стратегической автономии», где описано, что конкретно следует предпринять, чтобы достичь ее в каждой из сфер⁴. Важной частью этого курса стала Европейская цифровая стратегическая автономия⁵ и идея цифрового суверенитета. Наконец, Новая промышленная стратегия ЕС гласит, что поиски места Союза в новых трансформациях мира «касаются суверенитета Европы»⁶.

Данный концептуальный поворот вызвал неоднозначные оценки на всех уровнях. Ранее ЕС неуклонно отвергал геополитику, суверенитет и прочие атрибуты реалистического мышления. По замечанию Ж. М. Баррозу в 2014 г. «Согласно европейскому мировоззрению, страны имеют право... искать возможности, где бы они ни находились, а не быть частью той или иной сферы влияния или выбирать между одним лагерем и другим»⁷. О. Вэвер по этому поводу писал, что европейский интеграционный проект всегда выступал своего рода антитезой геополитике и балансу сил (Waever, 1996). Немногочисленные работы по академическому осмыслению данного поворота также свидетельствуют о противоречии между реалистическим видением мира новых лидеров ЕС и либеральной институциональной культурой (Zwolski, 2020). Кроме того, согласно опросам общественного мнения, население 11 из тогда 28 стран ЕС посчитали цели европейской стратегической автономии во внешней политике «неважными» или «спорными»⁸.

Рассматриваемое противоречие кроется в видимом диссонансе между универсализмом ЕС и партикуляризмом нового геополитического курса. Цель статьи – показать, что подобного противоречия не существует, а универсализм ЕС всегда строился на определенном понимании политической географии, построении символической карты мира. Следовательно, текущий этап есть не поворот, но некий новый этап уже существующей традиции внешней политики Евросоюза.

Теоретико-методологические основания исследования

В теоретико-методологическом плане наиболее важными представляются три аспекта. В первых, общей рамкой исследования выступает критическая геополитика. В отличие от работ классических геополитиков первой половины XX в. ее критическая версия предполагает «изучение всех географических допущений, обозначений и понятий, которые влияют на формирование мировой политики» (Agnew, 2003: 135). В фокусе внимания здесь оказываются вопросы власти, которые проявляются в дискурсе и деконструируются через постструктуралистские методы (Dodds & Sidaway, 1994). Критическую геополитику принято разделять на три направления. Ее формальная версия исследует геополитический дискурс, производимый стратегическими институтами – университетами, мозговыми центрами и проч. Популярная геополитика занята изучением того, как власть и пространство отражаются в массовой культуре. В свою очередь, практическая геополитика делает акцент на пространственном измерении в практике управления, куда вовлечены государственные деятели, по-

¹ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 4. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

² President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018 (2018) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (Accessed: 17 July 2022).

³ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' - speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

⁴ On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

⁵ Cybersecurity actors for the European digital strategic autonomy (2020) *Eurosmart* [Online]. Available at: <https://www.eurosmart.com/towards-european-digital-strategic-autonomy-digital-sovereignty/> (Accessed: 17 July 2022).

⁶ A new industrial strategy for Europe (2020) *European Commission* [Online]. P. 1. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-eu-industrial-strategy-march-2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ Speech by President Barroso at the Conference "Paving the way for a European Energy Security Strategy" (2014) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_14_400 (Accessed: 17 July 2022).

⁸ Franke, U. and Varma, T. (2019) Independence play: Europe's pursuit of strategic autonomy. *European Council on Foreign Relations* [Online]. Available at: https://ecfr.eu/special/independence_play_europes_pursuit_of_strategic_autonomy/ (Accessed: 17 July 2022).

литики, военачальники – все те, кто занимается повседневным ведением внешней политики (Tuathail, 1996: 46). Данная работа находится в русле практической критической геополитики с элементами формальной.

Во-вторых, подобный подход будет применен к исследованию власти и неравенства в двух измерениях: пространственном и временном. Первое измерение может быть концептуализировано как ориентализм. Термин был введен основателем постколониальной мысли Э. Саидом в 1978 г. в одноименной книге и означает «...стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разделении между «Востоком» и «Западом», а также «...как западный стиль, направленный на доминирование, реорганизацию и осуществление власти над Востоком...» (Saïd, 1995: 3–4). Несмотря на декларативную инклюзивность, для целого ряда исследователей является общим местом, что ЕС в отношениях с остальным миром занимает ориенталистскую позицию ментора, стремясь «обучать» партнеров практикам развития, демократии, публичной безопасности и т.д. Однако пространственная дискриминация зачастую реализуется через временную. К. Эллиот утверждает, что темпоральное измерение активно вовлечено в конструирование текущей идентичности Запада, когда его характеристики увязываются с будущим – демократией, эффективным управлением, процветанием и проч., а все незападное – с авторитарностью, отсталостью, нестабильностью (Elliott, 2017: 1–22). Д. Чакрабарти осмыслил данное видение как историцизм. В своей книге «Провинциализация Европы» классик постколониальной мысли определил историцизм как «идею, в соответствии с которой, для того, чтобы познать нечто, оно должно рассматриваться исключительно в качестве единого и продукта исторического развития одновременно» (Chakrabarty, 2000: 6–8). Благодаря формуле «сначала на Западе, а потом где-то еще» незападный мир получает ярлык «еще не готов» (Ibid.). Таким образом, весь мир пространственно делится на сектора в зависимости от места на темпоральной прямой, где Европа всегда находится впереди в качестве образца. Примечательно, что различия между разными осями движения здесь стираются. «Лучшая защита для нашей безопасности – это мир хорошо управляемых демократических государств»¹, – гласит Европейская стратегия безопасности 2003 г. Иными словами, нормативное измерение (демократия, всевозможные права) и материальное (безопасность и развитие, что выражается в терминах модернизации, мира, стабильности, процветания) увязываются напрямую. С точки зрения официальных органов ЕС, невозможно двигаться по разным осям в разных направлениях.

В-третьих, следует обратить особое внимание на категорию стрессоустойчивости. Это понятие пришло в политическую науку примерно в 1990-х гг. из экологии, где использовалось для обозначения способности систем к адаптации после кризисов (Романова, 2017). ЕС воспринял категорию по-своему и сделал ее во второй половине 2010-х гг. едва ли не главным лейтмотивом своей внешней и внутренней политики, определив стрессоустойчивость как «способность государств и обществ сохраняться и реформироваться, восстанавливаясь после внешних и внутренних кризисов»². Для нас методологически важны три нюанса. Прежде всего, стрессоустойчивость позволила соединить нормативную и материальную сферу в одной категории: «Стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность является ключом к процветанию и демократии. Но верна и обратная логика»³. Иными словами, несмотря на то, что изначально она описывалась экологами как черта абсолютно любой работающей системы, идеологическая трактовка Евросоюза связывает стрессоустойчивость только с либеральными демократиями (Романова, 2017). Кроме того, хронологически данная категория появилась в дискурсе ЕС незадолго до геополитического поворота комиссии фон дер Ляйен и создала для него условия. «Что мы подразумеваем под стратегической автономией? Она означает больше стрессоустойчивости, больше влияния»⁴, – говорит Ш. Мишель в своей речи. Наконец, стрессоустойчивость, будучи процессуальной характеристикой, также оказалась вплетена в описанную выше канву символической карты мира. Т. Романова и Е. Павлова показали, что введение категории повлекло иное наполнение ядра, полупериферии и периферии в дискурсивной онтологии ЕС.

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 12. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 23. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ Ibid.

⁴ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-a-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

Например, Россия в новых координатах переместилась из страны демократического транзита в позицию угрозы стрессоустойчивости для стран Восточной Европы (Романова и Павлова, 2019).

Итак, ниже будет показано, как универсализм ЕС реализовывался через пространство и время и где в нем место нового геополитического курса. Эмпирическим материалом выступил официальный дискурс Брюсселя, а именно ключевые внешнеполитические документы ЕС в XXI в. с некоторыми дополнениями, которые исследовались на основе комбинированного метода дискурс-анализа из критической геополитики.

Пространственно-временной универсализм ЕС

Географический универсализм ЕС складывается из трех элементов. Первый из них – это *метафора дороги или пути*. Благодаря ей хаос действительности структурируется в цепочку событий и этапов, следующих друг за другом. Так, Стратегия безопасности ЕС 2003 г. говорит о «беспрецедентном... периоде мира и стабильности», где «...создание Европейского союза сыграло центральную роль в этом развитии»¹. Означающее «развитие» является одним из популярных инвариантов метафоры дороги, поступательного движения вперед. Оно призвано зафиксировать транзит от худшего (в прошлом) к лучшему (будущее). Дополненная в 2008 г. стратегия безопасности продолжает эту линию, постулируя, что, документ «содержал видение того, как ЕС может быть силой для более справедливого, безопасного и единого мира. Мы прошли долгий путь в этом направлении»². Во второй половине 2010-х гг. с введением в дискурс категории стрессоустойчивости конструкция лишь модернизировалась, но не изменилась содержательно. «ЕС поддержит разные пути к стрессоустойчивости, нацеленные на самые острые случаи правительственных, экономических, социальных и климатических/энергетических рисков»³, – гласит Глобальная стратегия Европейского союза 2016 г. (ниже – ГСЕС) Во-первых, категория объединила в себе сразу несколько как нормативных, так и материальных осей. Во-вторых, стрессоустойчивость понимается исключительно как процесс, нечто, к чему необходимо двигаться; неслучайно в паре с ней используются глаголы «укрепить», «усилить», «развивать». Геополитический этап комиссии фон дер Ляйен не только не изменил популярности метафоры дороги, но лишь способствовал ее более частой артикуляции. «Мы должны защищать наше европейское благополучие и наши европейские ценности. В цифровую эпоху мы должны продолжать наш европейский путь... Путь труден, задача не из легких. Но вместе мы сможем это сделать...»⁴, – заявила фон дер Ляйен в своей первой речи перед Европарламентом. Далее она вновь не раз возвращалась к данной метафоре: «Европа будет такой, какой мы хотим ее видеть. Когда нам нужно было найти путь вперед для нашего будущего, мы не позволили старым условностям сдерживать нас»⁵.

Таким образом, метафора дороги или пути предполагает выделение определенных участков действительности и последовательное их расположение. Она отражает прогрессистское неолиберальное видение мира в официальном дискурсе ЕС, которое позволяет структурировать окружающий мир в удобном порядке. Нормативные и материальные оси – демократизация, модернизация, безопасность и проч. – сливаются в единую культурную конструкцию, требующую от всех участников международных отношений двигаться вперед.

Однако вышеуказанная дорога является не просто линией, но вектором, благодаря второму элементу пространственно-временного универсализма Брюсселя, а именно, *образцу*. В качестве такового ожидаемо выступает сам ЕС (и часто Запад в расширенном понимании). Образец – это конечная цель движения, либеральная демократия западного типа, то, чем в идеале должен закончиться транзит по всем осям. «Европа еще никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной... Европейский союз имеет потенциал внести значительный вклад как в борьбу с угрозами,

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 27. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

³ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 9. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁴ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022).

⁵ State of the Union Address 2020. Building the world, we want to live in: A Union of vitality in a world of fragility (2020) *European Commission* [Online]. P. 24. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/soteu_2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

так и помочь [партнерам] в реализации возможностей...»¹, – такой пассаж содержит стратегия безопасности ЕС 2003 г. Ее обзор 5 лет спустя продолжает линию позиционирования Евросоюза как примера для подражания и «силы добра»: «ЕС остается якорем стабильности. Расширение [ЕС] распространило демократию и процветание на нашем континенте... ЕС добился значительного прогресса за последние пять лет. Мы являемся важным признанным фактором улучшения мира»². Документ очерчивает и широкую политическую географию стран и регионов, где ЕС сыграл конструктивную роль, упоминая партнерские программы для Средиземноморья, «меняющиеся к лучшему» Балканы, решающий вклад «в разрешении кризисов и конфликтов в таких местах, как Афганистан или Грузия»³. В эпоху доминирования категории стрессоустойчивости конструкция претерпела некоторые изменения. Мир изменился, отныне «ставится под сомнение цель и даже существование нашего Союза»⁴. В подобных условиях ЕС видит себя уже не совершенным образцом, итоговой целью транзита, но своего рода незаконченной моделью,двигающейся в правильном направлении с успешной частью человечества впереди всех. «ЕС будет способствовать укреплению стрессоустойчивости своих демократий», «...во время атаки в Солсбери было болезненно очевидно, что нам необходимо укрепить нашу собственную устойчивость внутри Европейского союза. ЕС дал решительный и единый ответ на это нападение...»⁵, – все подобные пассажи свидетельствуют, что Брюссель не рассматривает состояние своей стрессоустойчивости в идеальных тонах, но фиксирует правильное и успешное направление движения. Остается прежней и роль помощника для «отстающих» участников политической карты в деле укрепления стрессоустойчивости. Документы пестрят замечаниями об уже достигнутых успехах и планах на будущее в регионе Средиземноморья, Балкан, Средней Азии, Нигерии и т.д.⁶. Геополитический этап лишь продолжил заложенный тренд. «Я прошу вашей поддержки для начала новой жизни в Европе. Мы будем законодателями мировых стандартов... И снова Европа уже впереди [о технологиях и климате]... Но сейчас Европа должна стать лидером в области цифровых технологий – иначе ей придется пойти по пути, который другие установят для нас... Европа – крупный игрок, но еще не знает, что это так... Мы находимся в авангарде борьбы с изменением климата... Европейский союз по своей сути является позитивной, открытой и толерантной силой»⁷, – все эти выдержки из речей У. фон дер Ляйен и Ш. Мишеля 2019–2020 г. показывают, что ЕС по-прежнему рассматривает себя в качестве несовершенного образца. Союзу необходимы изменения, он еще не пришел в конечную точку транзита, но тем не менее находится впереди всех и служит успешным примером.

Дорога и образец, идеологически трансформирующий ее в вектор движения, были бы неполны без третьего элемента политической географии ЕС – *примеров движения* вперед/назад разных стран и регионов планеты. Показательным здесь является сюжет прогресса: «За этот период прогрессивное распространение верховенства закона и демократии привело к превращению авторитарных режимов в безопасные, стабильные и динамичные демократии»⁸. Стратегия безопасности 2003 г. и ее

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3, 16. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 7-9. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

³ Ibid.

⁴ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 3. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁵ Ibid., P. 8; Speech on behalf of High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the European Parliament plenary session on the situation in Russia (2018) *European Union External Action Service* [Online]. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/43152/speech-behalf-high-representativevice-president-federica-mogherini-european-parliament-plenary_en (Accessed: 17 July 2022).

⁶ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 9, 34. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022); A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online]. P. 5. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022); 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-et-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

⁸ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

ее обзор 2008 г. говорят о прогрессе на Балканах, Средиземноморье, в Восточной Европе¹. В договоре Котону с развивающимися странами ведущими лейтмотивами являются сюжеты процесса и становления (демократизация, модернизация и др.), а слово реформа упомянуто более 40 раз². Показательно, что органы ЕС оставляют за собой право судить о степени успешности транзита. «Комиссия будет отчитываться перед Советом о прогрессе, достигнутом каждой страной в деле укрепления демократии, верховенства закона и уважения прав человека»³, – написано в учредительных документах Европейской политики соседства. Однако отдельные страны и регионы демонстрируют обратную динамику движения. «Иранская ядерная программа значительно продвинулась... С 2003 г. Иран вызывает все большую озабоченность... Ситуация в Грузии, касающаяся Абхазии и Южной Осетии, обострились... мы видим, что события развились в другом направлении в определенных частях страны... Если Кремль отойдет еще дальше от демократии и верховенства закона, Россия потеряет всю легитимность как партнер ЕС»⁴. Все процитированные пассажи разных лет объединены общим мотивом движения, процессуальности, но этот транзит рисуется как противоположный от идеологически «правильного» направления.

Стрессоустойчивость также осмысливается через динамику: «Стрессоустойчивость – это преобразование, а не сохранение статуса-кво»⁵. Как замечено в ГСЕС 2016 г., некоторые регионы успешно двигаются вперед: «В эту группу в настоящее время входят такие страны, как Тунис или Грузия, чьи успехи процветающих, мирных и стабильных демократий отразятся на их соответствующих регионах»⁶. Противоположные примеры также находят упоминание: «Мы не признаем незаконную аннексию⁷ Россией Крыма и не принимаем дестабилизацию Восточной Украины. Мы будем укреплять ЕС, повышать стрессоустойчивость наших восточных соседей... Хроническая уязвимость и нестабильность в соседних странах Европы усугубляют влияние этих давлений. Это мешает развитию целых регионов...»⁸. Геополитический поворот с 2019 г. пролонгировал действие данных конструкций. «В Европе и среди европейских лидеров я чувствую, насколько меняется восприятие Африки. Энергия и жизнеспособность Африки открывают перспективу беспрецедентного союза. Мы, лидеры Африки и Европы, должны сделать это возможным...»⁹, – такие примеры движения вперед можно найти в речах Ш. Мишеля. Мотивы же движения в обратном направлении еще более очевидно отражены в официальном дискурсе этого периода. События, связанные с Украиной, Восточным Средиземноморьем, Ливией, Сирией, Грецией, Кипром, Китаем и даже США описываются Ш. Мишелем и составителями ключевых документов по реализации стратегического суверенитета/автономии через приз-

¹ Ibid.; Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² The Cotonou Agreement and multiannual financial framework 2014–20 (2000) *European Parliament* [Online]. Available at: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ European Neighbourhood Policy strategy paper (2004) *European Commission* [Online]. P. 10. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁴ Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 17-18. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022); EU-Russia summit (debate) (2011). *European Parliament* [Online]. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110608+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (Accessed: 17 July 2022).

⁵ A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online]. P. 23. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁶ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 25. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eug_s_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ РФ не признает термина «аннексия» применительно к событиям на Украине 2014 г., однако данный фрагмент сохранен здесь как часть цитаты органов ЕС.

⁸ Ibid., P. 33; A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online].

line]. P. 3. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁹ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' - speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-a-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

му негативных трендов¹. Может быть, наиболее ярко это отразилось во фразе фон дер Ляйен от 2020 г.: «Турция была и всегда будет важным соседом, но несмотря на то, что мы на карте близки друг к другу, кажется, что расстояние между нами увеличивается...»². Указанные выше примеры демонстрируют то, как метафора дороги заполняется конкретными странами и регионами, формируя символическую карту мира с ЕС во главе.

Итак, пространственно-временной универсализм ЕС реализуется за счет трех элементов. Прежде всего, это метафора дороги или пути, который удобно для Брюсселя структурирует феномены окружающего мира в цепочку. Далее сам ЕС позиционируется в качестве образца, своего рода цели движения, идеологически превращая дорогу в вектор развития. Наконец, страны и регионы мира, согласно вердикту Евросоюза, располагаются на разных участках шкалы в зависимости от степени соответствия идеалу. На первом этапе до середины 2010-х гг. разные оси движения (демократизация, модернизация, развитие рынка и др.) увязывались через соединение нормативной и материальной компоненты. Затем категория стрессоустойчивости явилась тем означающим, которое объединило в себе все оси. Либеральный оптимизм 1990-х и 2000-х гг. не исчезает полностью, но трансформируется в более сдержанную структуру. Отныне ЕС осмыслился как несовершенный образец; он движется вместе со всеми, но находится впереди и остается моделью для всего мира. Изменилось и место отдельных стран и регионов на шкале движения. Наконец, концепции стратегического суверенитета/автономии с 2019 г. внесли некие коррективы в символическую карту планеты, однако общий паттерн «дорога – образец – движение назад и вперед» с начала века претерпел скорее формальные, нежели субстантивные изменения. Таким образом, геополитический компонент традиционно являлся важной частью внешнеполитического мышления Евросоюза, что вовсе не противоречит, а скорее вытекает из общего либерально-универсалистского взгляда Брюсселя на международные отношения.

* * *

«Даже в эру глобализации, география не теряет свою значимость»³, – написано в Стратегии безопасности ЕС 2003 г. Это отражает устойчивую позицию Брюсселя, что нормативное идет рука об руку с материальным. Универсализм ЕС всегда строился на определенной политической географии. Нынешний геополитический поворот являет собой лишь новый этап уже существующей традиции, а вовсе не радикальную ее трансформацию. Выше было показано, что формирование символической карты мира в официальном дискурсе ЕС покоится на следующих пространственно-временных элементах: метафора дороги; Евросоюз как образец, находящийся ближе всех к цели транзита; а также страны и даже регионы мира,двигающиеся вперед и назад относительно идеологически установленного канона либеральной демократии западного типа. Геополитический поворот целиком лежит в русле данных конструкций. В подобных обстоятельствах остается надеяться, что в будущем ЕС станет более инклюзивен в своей нормативной политике. Достижение подлинно равноправного типа отношений с партнерами невозможно в рамках существующей ценностной матрицы Брюсселя, когда все альтернативные формы политий изначально рассматриваются как недостаточно соответствующие западным образцам. Нынешний ориенталистско-историцистский курс является предельно высокомерным ко всем контрагентам ЕС, в том числе и к России, у которой в силу целого ряда географических, экономических и нормативных причин нет выбора по поводу того, взаимодействовать или нет со Старым Светом в дальнейшем.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

¹ Ibid.; On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

² State of the Union Address 2020. Building the world we want to live in: a Union of vitality in a world of fragility (2020) *European Commission* [Online]. P. 17. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/soteu_2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 9. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

Список литературы / References

- Романова, Т. А. (2017) 'Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе', *Современная Европа*, 4 (76), сс. 17–29. [Romanova, T. A. (2017) 'The "Resilience" notion of the European Union' [Kategorija "Stressoustojchivost'" v Evropejskom Sojuze], *Sovremennaja Evropa*, 4 (76), pp. 17–29. (In Russ.)].
- Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. (2019) 'Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции', *Мировая экономика и международные отношения*, 63(6), сс. 102–109. [Romanova, T. A., Pavlova, E. B. (2019) 'Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept' [Stressoustojchivost' v Evrosojuze i Rossija: sut' i perspektivy novoj koncepcii], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 63(6), pp. 102–109. (In Russ.)].
- Agnew, J. A. (2003) *Geopolitics: Re-visioning world politics*. 2nd edn. London: Routledge.
- Chakrabarty, D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Dodds, K. J. and Sidaway, J. D. (1994) 'Locating critical geopolitics', *Environment and planning D: society and space*, 12(3), pp. 515–524, DOI: 10.1068/d120515.
- Elliott, C. (2017) *Democracy promotion as foreign policy: Temporal othering in international relations*. Abingdon: Routledge.
- Said, E. W. (1995) *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. London: Penguin.
- Tuathail, G. Ó. (1996) *Critical geopolitics: The politics of writing global space*. London: Routledge, 1996.
- Waeber, O. (1996) 'European security identities', *JCMS: Journal of common market studies*, 34(1), pp. 103–132, DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x.
- Zwolski, K. (2020) 'Diversified in unity: the agenda for the geopolitical European Commission', *Global affairs*, pp. 1–17, DOI: 10.1080/23340460.2020.1834427.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

**GEOPOLITICAL TURN OF THE EUROPEAN UNION:
THE CONCEPTUAL REVOLUTION OR CONTINUATION OF THE TRADITION?**

G. V. Kotsur

G. V. Kotsur, Candidate in Political Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University
E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Abstract

The article focuses on the recent geopolitical turn in the EU policy. Conceptually it presupposes the introduction of two notions into the official discourse of Brussels – strategic sovereignty and strategic autonomy. This move caused ambivalent response: traditionally the EU denied geopolitical thinking, sovereignty and balance of power. Moreover, the very identity of the project was based on explicit opposition to those notions. The purpose of the article is to show that there is no contradiction between these two poles. Through the prism of critical geopolitics, the author studies the key EU foreign policy texts and reveals that the normative universalism of Brussels has always been expressed through a certain vision of political geography, namely, the spatially-temporal symbolic mapping. It contains three components. First, the metaphor of a «path» or a «way» that structures reality by placing phenomena and events one after another. Secondly, the model, which turns this path into an ideological vector. The EU presents itself as a model in the official discourse. Thirdly, the European Union places different countries and entire regions along this normative route. Geopolitical concepts of strategic sovereignty and autonomy do not contradict this pattern, but rather continue it at a new stage.

Keywords: European Union; critical geopolitics; strategic sovereignty; strategic autonomy; resilience; orientalism; historicism; discourse.